СОВПАДЕНИЕ

Наталья
Воронина

Наталья Воронина

Совпадение

«Де’Либри»
2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Воронина Н. Е.

Совпадение / Н. Е. Воронина — «Де'Либри», 2026

ISBN 978-5-4491-3350-2

Героини этого сборника – наши современницы. В рассказах запечатлены судьбы женщин, где каждая ищет любовь, пытается разобраться в себе и найти гармонию в тех обстоятельствах, которые предлагает жизнь. Это откровенные истории о предательстве и страсти, одиночестве и нежности, поражениях и победах; о том, как случайность может перевернуть всю жизнь.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4491-3350-2

© Воронина Н. Е., 2026
© Де'Либри, 2026

Содержание

Забытый телефон 6
Люба – жизнь без любви 14
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Наталья Воронина
Совпадение

© Н. Воронина, текст, 2026

Забытый телефон

Если мужчина решает вопрос: быть или не быть, то женщина – а с кем, собственно?

У Анны Серовой от негодования дрожали слегка подкачанные губы. Стоит ли в такой важный момент останавливаться на качестве губ, описывая героиню, или опустить этот вопрос понимания эстетики? Анна почти безупречна, а все внешние вторжения в данный природой облик продуманы и уместны. С губами то же самое: всё в меру и подправлено у хорошего специалиста.

Анна казалась идеальным слепком с Успешности. Если бы та решила материализоваться в женщину 45+, то ей сложно было бы найти более подходящий образ. Успешность не может быть слишком молодой: само слово подразумевает некий отрезок пути, стабильность в процветании, созревшие плоды, хорошую сохранность спустя годы. Всё это есть в Анне Серовой: она замначальника департамента Министерства торговли; у мужа – сеть мини-отелей на балтийском побережье и Финском заливе, двадцатипятилетнее супружество; двое взрослых детей: мальчик и девочка, точнее – молодые мужчина и женщина с хорошими природными данными и образованием. У семьи – четырёхкомнатная квартира на севере Москвы, дома в Подмосковье и на Финском заливе – любимый.

У Анны идеальный вкус, если такой вообще возможен: пастельные тона в одежде и любовь к светлым оттенкам в интерьере, парфюм всегда в меру, безупречная чистота в доме и такая же репутация – приличная, счастливая жизнь без накопленной за годы боли и взаимных претензий, как обычно бывает.

– *Мы считали эту пару примером, хотя как чужая судьба может быть примером? Это, скорее, очередная притча,* – так философствовал после той истории один из знакомых, вхожих в дом Серовых.

Кстати, у самых близких подруг и друзей сформировалась устойчивая привязанность к их семейным торжествам. Сначала были регулярные праздничные застолья в новой квартире, позже они трансформировались в посиделки на дачах в Подмосковье или на Финском заливе. Иногда у гостеприимной супружеской четы приятели гостили по несколько дней.

Зависть? Ну, конечно, была, но чаще белая, ведь разрушь этот союз какая-то нелепость – и что останется у тех самых друзей от гарантированного досуга? Летом – его день рождения, зимой – её? Их праздновали дня по три: в июне – на Финском заливе, в январе – в Подмосковье…

Она сначала решила, что телефон у раковины в душевой оставил один из гостей. Приятели разъехались вчера вечером, последняя пара – ночью, уже после того, как Анна легла спать. А ранним утром или, точнее, в завершении белой ночи она увидела тот чёрный мобильник и прочла выскочившее ей в лицо СМС: «Ты сказал Нюре обо мне?» Чья-то обнажившаяся тайна, чья-то драма – хорошо, что не её. Захотелось прижаться к Эдику и посплетничать. Но он спит, наверное; так и оставила телефон у раковины, покрутив зачем-то в руке, и снова отправилась спать.

Последние полгода они спят в разных спальнях. Кто был инициатором? По-моему, она: Эдик пополнел и начал похрапывать. Это возрастное – мышцы гортани ослабли. Муж сначала обиделся, но привык и уже через месяц не просился в её спальню. Анне казалось, что градус отношений между ними снизился. Нет, всё, что предполагает нормальный брак, осталось, но в каждой мелочи, сопровождавшей их совместную жизнь, чувствовалась чрезмерная уравновешенность, граничащая с прохладой. До холодов ещё было далеко, но они тогда стремительно приближались. Это всё она позже анализировала, сидя на приёме у психолога.

– И потом, за завтраком (кажется, в другой жизни это было), я спросила о телефоне. О том, что кто-то забыл его в душевой, а муж смутился и сказал, что не видел никакого телефона. Тут у меня ёкнуло.

Психолог щурила глаза и кивала. После девятнадцатого, очень недешёвого сеанса Анна поняла, что её дурачат: просто отрабатывают положенный час, а она бестолково повторяет одно и то же про телефон, про то, как она в интернете нашла, что в некоторых областях России, например, в Поволжье «Нюрой» в просторечье называют Аню. А она всё талдычит, глядя Вере Львовне в лицо: «Хочу, чтобы было как раньше… как раньше… как раньше». Психолог, кажется, еле сдерживается, чтобы не закатить глаза. Всё-таки за это ей и платят – чтобы сдерживаться и доказывать тем самым, что ситуация довольно обычная, не стоит сходить с ума окончательно или лезть в петлю. Лучше вот так методично дважды в неделю приходить на приём и в удобном кресле изливать душу.

Анне казалось, что Вера Львовна специально оставляет недолеченной одну язву из множества, чтобы в её душе она разрасталась и вынуждала приползать сюда за исцелением в очередной раз. Анне на этом девятнадцатом сеансе стало жаль себя и денег. Да, не за всё она готова так бездумно платить. Есть же подруги. Она в несколько секунд сосчитала, что на кормление и размещение подруг на даче под Питером денег уйдёт почти столько же, сколько и на посещение психолога за месяц. Вся информация пронеслась в голове молнией, как обычно и бывает у женщин: яркая картинка или несколько – и уже сложился план, не всегда верный, но целостный.

– Знаете, что я решила? – начала вдруг Анна. *– Беру тайм-аут месяца на два.*

– Вам некомфортно?

– Я хочу отдохнуть от наших встреч. Мне кажется, я топчусь на месте, бегу по кругу.

– Понятно. – Вере Львовне явно не хотелось терять стабильного клиента, но не уговаривать же. *– Буду рада вам помочь, если вы почувствуете в этом… необходимость.*

– Замечательная фраза! Я её запишу – пригодится.

Взгляд Веры Львовны будто спрашивал: «Иронизируете?», – но психолог слепила на лице доброжелательное выражение и промолвила сладко-сладко: «Удачи, Анна Юрьевна».

Три подруги: Света, Лиза и Аня – дружили с песочницы и жили в одной девятиэтажке. Даже если женской дружбы действительно не существует, сложилось так, что они по крайней мере нуждались друг в друге. Света – пухленькая, невысокая блондинка – была нянькой для своих племянниц и детей подруг – своих родить не довелось, а также хорошим кондитером, поэтому праздники без её тортов и пирожных не обходились. Лиза преподавала английский и увлекалась вязанием. Сначала в её рукоделии была необходимость позарез, потом подруги и их знакомые по привычке заказывали ей свитера и шарфы для любимых мужчин и потомства.

Аня оказалась в итоге самой обеспеченной и с удовольствием приглашала двух подруг к себе, чувствуя к тому же, что Эдик её подружек не замечает, то есть не рассматривает их как предмет для флирта. Анна думала, что она и здесь всё просчитала, как будто за пределами их дома и круга общения, в который она пускала далеко не всех, женщин не было. Это она потом, на приёме у психолога, осмысляла свой выбор – мужа, подруг; причины и следствия событий, в центре которых она оказалась.

Для Ани давно не существовало других мужчин, кроме Эдика. Может быть, потому что она хорошо запомнила урок, полученный в тридцать лет, когда впервые отправилась в отпуск одна всего на неделю. Женщина тогда считала себя очень зрелой, и внимание двадцатипятилетнего кареглазого Виктора на неё подействовало как омолаживающий эликсир. Анна казалась себе возродившейся Маргаритой, готовой сесть на метлу и отправиться в адское пекло запретной любви.

Два дня прогулок в Гурзуфе вдоль моря, а потом… Она претерпела бы многое, но несвежее белье, на которое её уложили, Аня, очнувшись на следующее утро, простить не смогла.

Грязным было всё: и она, и сероватая простынь, пахнувшая чужим телом, и, конечно, Витя, сразу будто потерявший к ней интерес. Он ворочался в кровати, бормотал про единственный выходной в неделю. Анюта скороговоркой сообщила, что ей срочно нужно позвонить внезапно заболевшей маме, почти бесшумно собралась и выпорхнула из квартиры на четвёртом этаже панельной пятиэтажки. А потом прятала глаза от встреченных у подъезда бабушек, смотревших на неё одновременно с пониманием и осуждением.

Благо, что Витя не знал точно, в какой гостинице она остановилась! Аня решила, что он непременно будет её разыскивать и преследовать. Тогда ей впервые стало страшно от того, что у Эдика в её отсутствие тоже может приключиться что-то подобное. Она боялась застать его врасплох и потому позвонила заранее.

– Эдя, алло, а что, если я пораньше приеду?

– Приезжай, конечно, мама устала с внуками сидеть, ей на работу нужно.

– А разве ты не соскучился?

– Ты сама придумала этот отпуск в мае; я говорил: подожди до лета.

– А почему никакого тепла в голосе?

– Знаешь, от тебя тоже тепла особого не дождёшься; может, с юга привезёшь?

– Это ты о чём?

– О каком тепле речь? Я зашиваюсь на работе, мама устала, а ты сидишь в Гурзуфе и тебе не хватает тепла… Прости, дорогая, мне очень стыдно!

– Я хочу поменять билет и приехать на два дня раньше.

– Отлично!

Анна потом повторяла интонацию эдикова «отлично» и пыталась понять, что она означает: издёвку, радость, просто короткий, энергичный ответ молодого мужчины или досаду из-за сорванных планов.

Чувство вины не проходило больше года: она заглядывала в глаза мужа, сдавала кровь трижды, ждала кары небесной, чувствовала себя грязной и одинокой. Потом тот случай в отпуске стал отдаляться и терять остроту. «Ну что ты так переполошилась? С кем не бывает?» – успокаивала Света (они решили Лизе не говорить, чтобы не было повода обсуждать ситуацию втроём или у Анны за спиной).

И вот полгода назад созданный за четверть века уютный мирок, куда впускали лишь избранных, начал рушиться. Заподозрив неладное из-за таинственно исчезнувшего телефона, Анна начала его поиски. Она обшарила все потайные углы и в конце концов обнаружила в маленьком гостевом домике, где стояли двуспальная кровать, столик, два стульчика, а за пластиковой перегородкой – крохотная душевая.

На верхней полке, поверхности которой не было видно – нужно было встать на стул, чтобы понять, что же там хранится, кроме пыли, – в самом углу она увидела этот чёрный телефон. Новое сообщение выпорхнуло в тот момент, когда она взяла телефон в руки: видимо, некие сверхъестественные силы решили приподнять завесу. «Привет, это твоя Валюшка-душка, сладкая ватрушка!»

Женщина расхохоталась, как в кино в подобных ситуациях – зло, громко и закинув голову: «Ну надо же, что-то из «Незнайки», кажется?! Сладкая ватрушка! У кого-то она там лежала под подушкой!»

Она бросила телефон на кровать. «А может, лучше на пол? Ну нет, вещдоки не стоит портить раньше времени», – вновь зло подумала она. И ещё в голове закрутилась мысль, что Эдик теперь у неё попляшет!

Анна так привыкла к своей исключительности, безупречности, к тому, что в любой компании она лучшая, а Эдик ею гордится. Даже в сорок пять она сохранила так много молодости, энергии, красоты, слегка холодной, как и подобает натуральной блондинке, но чувственной. Ноги стройные, с изящными щиколотками, ухоженные руки, тонкий нос, высокомерный изгиб

бровей. Наверное, когда она начала подниматься по карьерной лестнице, вот тогда и стал формироваться этот самый изгиб бровей. Как только обнаруживался какой-то изъян во внешности, она честно себе в этом признавалась, доверяя испытующим взглядам обеих подруг, и старалась его исправить с помощью диет, косметологии, йоги.

Эдик попляшет, попляшет! А она ещё не решила, простит или нет. И у Анны Серовой задрожали от негодования чуть подкачанные губы. Она вспоминала слова, которые говорил муж, когда она капризничала или немного ревновала: «Ну кто с тобой сравнится?» Но этот чёртов чёрный телефон всё перевернул с ног на голову – у Эдуарда есть тайна, и он ведёт какую-то нелепую, безвкусную, глупую игру. Ей стоит только топнуть ножкой – и Эдик испугается, попятится назад, спесь и холодность исчезнут, он начнёт оправдываться.

Отдышалась и спрятала телефон в карман уютного домашнего кардигана из кашемира. Эдик пил кофе на застеклённой веранде. Как ему сказать? Придумать вымученный диалог, прозондировать почву или действовать неожиданно, чтобы застать врасплох и увидеть его реакцию?

– Знаешь, мне нужно уехать сегодня. В отеле трубу прорвало, и два постояльца написали жалобу в Роспотребнадзор: настаивают на компенсации за испорченный отпуск, – первым заговорил он.

– Такие мелочи ты обычно доверял администратору. А если я попрошу тебя остаться, если мне тут одиноко? Ты знаешь, как я не люблю оставаться на ночь одна.

– Пригласи подруг. Я оплачу им самолёт, пусть погостят, или Киру попроси приехать.

– Дочь не может: у неё ещё экзамены – ты же знаешь. Останься хотя бы на сегодня, пока кто-нибудь не приедет.

– Может, ты сама вернёшься в Москву?

– В чём дело?

– Я объяснил.

– Тогда объясни мне вот это. – Она швырнула телефон на стол, да так неловко, что он ударил по недопитой чашке, а вылившийся кофе расплылся на скатерти и брызнул на светло-серые брюки мужа. Эдик не смутился, скорее выдохнул.

– Ну что ж, – протянул он, – *так лучше – ты сама всё узнала.*

– Я не знаю ничего! – Последнее слово она почти прошипела.

– Хочу пожить отдельно – устал.

– Кто она? Что это вообще значит? У нас семья, дети, имущество – всё-всё завязано в… – У неё задрожал голос. *– Ты же говорил, что любишь. Я не понимаю, я ничего не понимаю!*

– Конечно, люблю, но, Аня, я устал от твоей критики, отстранённости, оценочности. Я с тобой как будто всё время сдаю экзамены, а хочется расслабляться хотя бы иногда.

– И ты это понял двадцать пять лет спустя?

Эдуард Сергеевич Серов замолчал. Казалось, ему стало скучно выяснять то, что он прокручивал в голове многократно. Его вещи уже были собраны в два объёмных кожаных чемодана шоколадного цвета. «Это я их выбирала», – вскользь пронеслось у Анны в голове.

И уже перед выходом он предложил:

– Кстати, давай договоримся: я живу на подмосковной даче, а ты – в Москве и здесь?

– Хорошо, – машинально ответила она. Понятно же: квартира в Москве и дом на Финском заливе – это всё-таки удобнее, чем дача в ближнем Подмосковье. Хотя по функциональности подмосковная дача объединяла относительную близость к работе и загородную жизнь. Анна Юрьевна машинально обдумывала новое положение вещей.

– Ты там будешь один?

– Ну перестань.

– Не смей с ней спать на нашем белье! – повысила она голос в спину удаляющемуся мужу.

Дверь захлопнулась, мотор автомобиля загудел – всё!

Она закуталась в плед, обхватила голову руками и завыла. В этот момент всё наносное, придуманное, правильное, вся позолота, лоск, блеск осыпались и поблекли – осталась немолодая русская баба, раздавленная нежданным-негаданным унижением.

День сменился светлым вечером и белой ночью, негаснущий закат перелился в рассвет, а она просто лежала на диване и не могла найти повода, чтобы захотеть встать.

Потом стали возвращаться ощущения: она почувствовала, как запекло во рту и очень захотелось пить – попила. Нашла силы наполнить ванну и пролежала в ней, пока вода совсем не остыла. Телефон звонил… Она надеялась, что Эдик, но знала – не он. Дети, подруги? Мысли после хаоса стали холоднее и логичнее: если с ней что-то случится, неизвестно, как распределится наследство, вернее, известно – большая часть отойдёт мужу, а что Кире с Сашкой останется? Нет, она поборется! Да здравствует благоразумие!

Заказанная и доставленная еда придала сил. Сашка звонил из Греции: он отдыхает с девушкой на островах. Кира сбросила СМС: завтра последний экзамен, но она на выходные не приедет.

– Света, привет. Приезжай, пожалуйста, мне очень плохо. Да, болею, а он уехал по работе. Почему плачу? Говорю же: болею, очень сильно болею. По телефону не скажу… Приедешь? Давай с мужем – пусть себе рыбачит. Очень жду.

К вечеру Света со счастливым Вадиком, фанатичным рыбаком, который согласен на всё, если где-то рядом есть кого ловить в мутной, прозрачной, солёной или пресной воде, прибыли на место. С мужчиной в доме двум подругам было спокойнее. Вадик вовсю готовился к утренней рыбалке, женщины уединились в бежевой спальне на первом этаже.

«Подруготерапия» помогла, но не исцелила. Они обсудили каждое слово, жест, эмоцию; плакали, шутили, пили кофе. Света сочувствовала искренне, но радовалась, что это произошло не с ней, что муж больше любит рыбалку, чем охоту за противоположным полом. Про себя она его так и называла – «холоднокровный», вкладывая в определение свой смысл. Сопереживая подруге, она машинально сравнивала свою двушку с маленьким балконом, заваленным снастями и удочками, а миниатюрную дачку у реки, где муж пропадал по выходным во все времена года, но неизменно возвращался к ней, – с опустевшим коттеджем, где, казалось, ещё гуляла тень Эдика.

Подруга впервые в жизни почувствовала себя счастливее Анны и в положении старшей, от которой ждут поддержки. Они пробыли вместе неделю: готовили, прогуливались по мелкому песку залива, иногда погружая ноги в водную прохладу, чтобы с визгом выбежать на берег и тут же растереть ступни полотенцем. Природа омолаживала и наполняла силами. Вечером жарили рыбу Вадика. Финский залив недалеко от Приморска – известное рыбное место. Вадик ловил на донные и поплавочные удочки, иногда – на спиннинг. Однажды умудрился поймать форель – у хозяек получилась роскошная финская уха со сливками.

Понемногу жизнь заполняла пустоты, оставленные после ухода мужа. Вера Львовна тоже внесла свою лепту в этот процесс, но была отвергнута, когда клиентка почувствовала силы, чтоб отказаться от её «психологических костылей». Всё-таки работа психолога не прошла даром, хотя про «даром» можно иронизировать. Анна внешне успокоилась, но не смогла вернуть себе ощущение уверенности. Многие годы она считала, что её стремление к безупречности во всём и есть защита от невзгод и потерь в жизни.

Но вера в возвращение Эдика таяла день ото дня вместе с надеждами на то, что новая пассия по имени Валентина ему надоест. Соседи по подмосковной даче методично сообщали ей о вечерних посиделках в беседке, утренних поцелуях на балконе, вкусных запахах, тянущихся с кухни, и совместных поездках на работу в одном автомобиле. Соседка, живущая напротив, прислала Анне несколько фотографий соперницы – плотной, немолодой, коротко стриженной, с высветленной чёлкой: так носили лет двадцать назад. По отзывам соседей, она часто и громко хохочет, не умеет одеваться, но с удовольствием занимается садом и даже вскопала несколько

новых грядок, чего Анна никогда не делала – она любила деревья и обращалась за помощью к ландшафтным дизайнерам.

Новый год Анна встретила с детьми в Москве, а Рождество – с подругами под Питером. Света и Лиза проявили деликатность и приехали без мужей. На работе её повысили до руководителя департамента. Она теперь пропадала в министерстве, компенсируя нехватку внимания от Эдика дополнительной загруженностью, благо и повод был – новая должность.

– Поздравляю тебя, Аннушка, ты так долго к этому шла… – начал Эдуард по телефону.

– Эдик, что тебе нужно?

– Решил поздравить с новой должностью.

– Откуда узнал? А-а-а, дети сказали.

– Сказал Сашка. Он так вытянулся.

– Ему двадцать четыре года – он вытянулся очень давно.

– Ты не спросишь, как у меня дела?

– Надеюсь, плохо.

Она повесила трубку. И только потом застучало в висках и в унисон – в груди; захотелось выплеснуть ярость и насладиться возмездием. Да с какой стати какая-то Валюшка бесцеремонно, нагло и, кажется, безвозвратно вторглась в её жизнь? Почему она лапает своими руками её мужа, хозяйничает на даче? Почему Анна ничего не пытается с этим сделать просто потому, что втемяшила себе в голову, что надо вести себя идеально даже в такой ситуации?

Анна швырнула первое, что попалось под руку, в батарею – это был старый ежедневник в переплёте из чёрной натуральной кожи. На грохот вбежала Кира – стройная, спортивного сложения девушка с русыми волнистыми волосами, забранными в высокий хвост.

После эры психолога настала эра косметолога: она осторожно выбирала между биоревитализацией и CMAC-лифтингом, уколами красоты и классическим массажем, даже задумалась о подтяжке лица, но остановилась на фейс-фитнесе в офлайн-группе – всё-таки смена обстановки.

А потом наступило лето. Подруги строили планы на июнь, чтобы отправиться на Финский залив и отметить отсутствие присутствия Эдика на его дне рождения – Анина идея.

Когда обсудили планы и купили билеты, а до поездки на залив оставалась всего неделя, снова позвонил Эдуард.

– Анна, помнишь, мы договорились о раздельном проживании? Я слово держал, но у меня скоро день рождения, хочу отметить его на Финском заливе, как раньше.

– Что ж, мы там с девчонками будем, места много. Какой этаж выбираешь: первый или второй?

– Я буду с Валей, а ты можешь пожить на подмосковной даче. Соскучилась, наверное?

– Что за бред? Я не вернусь в подмосковный дом – он опорочен, осквернён! Неужели ты и этого не понимаешь?

– Как высоко ты себя ставишь – просто небожительница! Это наше совместно нажитое имущество, я на него тоже имею право. И имею право приглашать в свой дом друзей и тех, кого посчитаю нужным! Мы год уже не живём вместе. Я приеду на Финский залив!

– Я тоже! Светка с Лизой уже билеты купили!

– Хочешь, я вам всем Radisson на неделю в Сочи оплачу?

– Не хочу!

Подруги успели заехать в дом на заливе раньше, и под предводительством Анны заняли первый этаж; на втором в двух спальнях расположились дети – Кира и Саша. Анна украсила дом как можно ярче, почти по-новогоднему, только без ёлки. Все светящиеся гирлянды были извлечены из коробок и нервно мигали – в доме чувствовалось напряжение, и не только электрическое: Анна готовилась к обороне.

Все пять спален заняты, кровати освобождены от покрывал, вещи из чемоданов гостей распиханы по шкафам. На втором этаже осталась незанятой одна проходная комната. А рядом с домом – свободный флигель. Они между собой называли его «пьяным»: иногда в него укладывали самого пьяного гостя, и именно там Анна почти год назад нашла чёрный телефон.

Дата рождения Эдика наступит завтра. Ужин из грузинского ресторана с простой и сытной пищей и обязательными хинкали из баранины съеден. А лето где-то заблудилось – не по календарю, а по факту. Подруги внушают оптимизм всеми возможными способами: развлекают, развлекаясь сами, шутят и принципиально не упоминают о мужчинах.

Анна – ещё прекраснее после косметологических процедур. Эй, почти хорошо! Она откинулась на спинку велюрового дивана в гостиной и задумалась. «Завтра день рождения Эдика – пятьдесят два года. Они будут жарить шашлык и рыбу, Света испечёт свой самый вкусный торт», – простые, приятные мысли, если бы не воспоминание о том, что завтра исполнится год, как она нашла тот злополучный телефон.

Приближающийся к дому гул двигателя стал тише, у ворот остановилась машина, но её не было видно за забором. Ворота открыл Саша. Вот он обнимает у машины отца, вот кивает невысокой, крепкой женщине, и Анна даже через стекло слышит её приветствие и особый подъём в голосе – смелая, однако.

Она наблюдала из-за занавески, как после небольшой заминки и обсуждения Эдик понёс вещи во флигелёк, а Валентина по-хозяйски оглядывала владения, подперев руки в бока. У Ани опять заколотило в висках – она стиснула зубы. Поняла, что не хочет, попросту боится встречаться с Эдуардом и его спутницей и заперлась в ванной. А когда вышла оттуда, в занавешенных окнах флигеля двигались два силуэта.

Из окна её спальни, выходящего во внутренний двор дома, выложенного светло-серым камнем, часть флигеля хорошо видна: теперь там мелькала женщина, накрывая на маленький складной столик. Анне чудилось, как на пепелище их счастья загорается новый очаг, не имеющий к ней никакого отношения и в то же время питающийся её энергией и усилиями, вложенными в окружающее пространство. Именно она создавала этот изысканный, комфортный мир для себя и своей семьи, а теперь им бесцеремонно пользуется другая, и – с правовой точки зрения – придраться сложно: муж с Анной не живёт, имущество общее.

Но Аня, она же Нюра, – не на суде, она и есть судья. И разве правда – женская, небезусловная, но та, которую чувствуешь кожей, – не на её стороне?

Свет во флигеле погас. Брошенная жена в оцепенении продолжала смотреть на потухшие окна. «*Наверное, они уснули; учитывая возраст мужа и дорогу – интима сегодня точно не будет*», – размышляла она. Давняя, таящаяся много дней где-то в бездоньи её души ярость поднималась и разливалась, как океанский прилив, который ничем не остановить. Её волей будто кто-то извне начал управлять, избавляя от возможности выбора.

Элегантная, изящная, правильная от макушки до пят и на зависть разумная, она вышла на улицу и взяла в руки небольшую лопату. «Не стоит забывать о холодных блюдах», – мелькнула мысль. Нахлобучив на голову капюшон тёмной, объёмной худи, она двинулась к видеокамерам и выключила их. Затем вытерла черенок лопаты спиртовой салфеткой и надела перчатки.

А теперь поехали! Анна бодрым, пружинистым шагом подошла к флигелю и, размахнувшись, ударила лопатой по окну, к которому внутри домика примыкает кровать; потом ещё и ещё раз, пока не проломила деревянные рамы (она не любила пластиковые – с ними на окнах даже в райских кущах будет душно). Звук разбившегося стекла, сонное бормотание, испуг, негромкий крик, возня, включенный свет, всхлипывание… «Милая, что с тобой?» – «О Господи!»

Анна отбежала от флигеля, спрятала лопату, сняла перчатки и бросила их за клумбу, тихо подошла к дому, а потом громко хлопнула дверью, как будто только что вышла.

– Что случилось, Эдик? Твоя коровка неловко повернулась и разбила окно? Как жаль! – и нервно засмеялась.

Эдуард вывел свою спутницу, кутавшуюся в клетчатый плед (под ним ещё Сашка в детстве спал!). Анна встретилась глазами с испуганной, но в то же время разъярённой соперницей, с презрительной гримасой изучила её широкое лицо, яркие чёрные глаза под сдвинутыми от негодования бровями, мясистые щёки и полные губы.

– Стерва ты, Аннушка! – процедил Эдик.

– В чём дело? Разве я способна испортить собственное имущество?! Наверное, вы расколотили окно, чтобы меня скомпрометировать. А завтра сами себя подожжёте, чтобы мне насолить, или запустите в постель змею. – Анна изо всех сил держала удар, не сдавалась, но боялась, что, если на неё набросятся с кулаками, она закричит, потому что очень боится физической боли гораздо больше, чем душевной, и просто убежит с поля боя.

Тут за спиной открылась дверь дома. Анна не обернулась, но знала: любой подоспевший окажет ей помощь в противостоянии, по крайней мере, её теперь не побьют. Это был Сашка. Взлохмаченные светлые волосы, стройный, с накачанными бицепсами – он выбежал в тёмных шортах без майки, услышав шум.

– Ма, па, вы что?

Потом подбежала Кира почти в таком же худи, как у мамы.

– Пап, ну разве так можно? Что ты наделал?! Смотрины решил устроить? Погано получились!

– Дети, ваша мать нас чуть не убила! Валя ранена!

– В неё стреляли? – ехидно осведомилась Кира.

Расстановка сил была однозначной: влюблённой парочкой игра проиграна. Но Анна, уставшая, с опущенными плечами, выглядела как жертва. Она и сама уже не очень верила, что отважилась на такой выпад, и не понимала, зачем всё это затеяла.

– Я не утверждаю, что это именно ты, но, если бы Валентина была ранена серьёзно, я бы вызвал полицию, и они провели бы дознание!

Голос Эдика немного сипел; он понимал, что этот инцидент спровоцировал именно он, а Анна лишь трепыхалась, как могла, и неумело защищалась. Он сверлил её взглядом и опасался новой выходки.

Аня посмотрела на мужа устало, виновато и молча отправилась в дом, откуда Кира уже выносила аптечку. Она упала навзничь на кровать и зарыдала. Вскоре сквозь звуки собственного плача услышала шум мотора и лязг закрывшихся ворот.

Утро было тихим и солнечным. Именно в этот день началось лето – не календарное, настоящее – в двадцать пять градусов тепла; оно разливало свою животворную силу над Финским заливом и её мирком. «Я ещё повоюю», – подумала Анна, невольно оценивая свой дом со стороны, как продавец. Разум уже просчитывал, сколько собственности и денег она сможет отвоевать, а душа кричала: «Не верю!»

Прошла ещё неделя. Анна делала вид, что блаженствовала, она убеждала себя в этом: отпустила ситуацию, заблокировала номера Эдика. «Будь что будет!» Внутреннее напряжение начало спадать; она даже не заметила, как подъехала машина, а потом услышала его голос: «Откройте кто-нибудь ворота!»

– Знаешь, а ты ведь действительно самая лучшая, – медленно и устало произнёс он, войдя в гостиную. – И если ты согласишься мне ни о чём не напоминать, не смеяться, не упрекать, то я останусь. А дом в Подмосковье мы продадим.

Люба – жизнь без любви

Я легонько целую Любину прохладную щёку, обнимаю за похудевшие плечи и даже не понимаю, узнаёт она меня или нет. Люба устала: её взгляд блуждает, ищет привычную опору. Сиделка-азиатка, заметив это, ловко обхватывает её рукой за талию и уводит на второй этаж.

В детских воспоминаниях моя двоюродная тётя Люба осталась молодой, светловолосой и воздушно-красивой. Она была высокой, статной девушкой с вьющимися волосами, широковатым, миловидным лицом, узкими бёдрами и пышным бюстом. Маленьким девочкам многие молодые женщины кажутся красивыми, особенно если они родственницы, носят нарядные платья и высокий каблук, если от них вкусно пахнет духами – лёгкими и яркими, как запах росы на землянике. Если у них большие пёстрые косметички со всякой всячиной и они разрешают маленьким девочкам до бесконечности в них копаться, выкладывать на коленки всё содержимое, открывать помаду и пудреницу, примерять бижутерию.

– *Как ты думаешь, сколько мне лет?* – спросила однажды тётя Люба.

В свои семь лет я не умела определять возраст взрослых людей, а кроме того, знала от мамы, что Любе уже двадцать семь лет, и она ещё не замужем. Её «незамужество» было постоянной темой обсуждения в нашей многолюдной семье.

– *Не знаю,* – начала выкручиваться я. – *Наверное, так: глаза – на двадцать четыре, нос – на двадцать пять, а губы – на двадцать три года.*

Люба засмеялась. Я запомнила эту сценку из детства, и лето, и старое, разостланное где-то у пруда на траве покрывало, но память стёрла точное место – Саратовская область или Подмосковье?

Люба была зубным врачом, и вскоре мне тоже пришлось обращаться к ней за помощью. Работала она нервно, но аккуратно и терпеть не могла капризы в стоматологическом кресле. Когда я начала зарабатывать, то поняла, что проще заплатить, чтобы иметь право хотя бы похныкать на приёме у врача. Но в моём детстве авторитет Любы даже не обсуждался, и родня из Ульяновска, окрестных деревень и даже столицы, вереницей стекавшаяся к ней в кабинет, была тому подтверждением.

Виктор

Она была дикаркой и долго не подпускала к себе мужчин. Первым и самым памятным не только для неё, но и для родственников стал Виктор – московский жених. Они столкнулись у входа в булочную: Люба впервые гостила в столице у брата, недавно женившегося на коренной москвичке. Осень, на девушке со светлыми пушистыми кудрями – тёмно-зелёное приталенное пальто и сапоги на шпильке. Она посмотрела в упор и очень отстранённо на высокого брюнета, подчёркнуто галантно открывшего перед ней дверь. Виктора именно этот факт заинтриговал, и он начал наблюдать за незнакомкой в магазине.

Так и не купив батон белого к докторской колбасе, стынущей в холодильнике, он старался не потерять её из виду: пробирался по переулкам, не обходя лужи, чтобы успеть за ней, блуждающей, озирающейся по сторонам, чтобы вспомнить дом брата в Люблино. Вот вышла одна прогуляться по незнакомому району – и никак не могла вспомнить, где точно находится его девятиэтажка. Тут она вновь увидела Виктора, который сделал вид, что не замечает её и идёт по своим делам.

– *Молодой человек, извините, не подскажете, где это?* – Люба протянула записку с какими-то каракулями. Он наклонился и почувствовал лёгкий запах пудры и духов «Рижская сирень».

– *Если прочтёте название улицы, то даже смогу Вас проводить, я этот район хорошо знаю.*

– *Люблинская.*

«Люба с Люблинской», – так называл потом он её. Любе исполнилось двадцать восемь лет, и он удивлялся её наивности: она не понимала намёков о том, как важно иметь рядом с домом детский сад и школу. Три недели встреч, два месяца переписки… Они уже готовились к свадьбе, потому что в Любе было всё так, как он хотел: неглупая девушка, провинциалка, но даже среди москвичек смотрелась шикарно. Так думал он, когда мог рассуждать, но чаще любовался нашей Любой – и это было всё-таки главным аргументом.

Виктор влюбился, а в Любе женщина будто ещё не проснулась. Ей нравилась мысль о замужестве, нравился именно этот человек, но в её тёмных глазах он читал отстранённость, потому ей не составляло труда с лёгкой улыбкой гасить пылкость жениха и отказывать ему в близости.

Виктор, к тридцати одному году привыкший побеждать, в полном соответствии со значением своего имени, обаял всех родственников, в том числе родителей Любы – хватких и опытных в деревне, но неловких в столичной среде. Он был с ними обходителен и прост, но не спешил знакомить со своей профессорской семьёй. Выжидал удобного момента, понимал, что видеться родители с новыми родственниками будут нечасто и, скорее, сами приедут в деревенский дом подышать свежим воздухом, порыбачить и сходить в баню.

Тем более что деревенский быт им не в новинку: дедушки и бабушки Виктора тоже были сельскими жителями, но смогли дать детям высшее образование и хороший старт для того, чтобы обосноваться в Москве.

Эти подробности я узнала от Любы, когда стала старше, хотя они к тому времени уже потеряли своё значение, потому что свадьбы не случилось.

Помню её широкое, заплаканное лицо с размазанной под глазами тушью и шумные обрывки фраз взрослых.

– *У Виктора есть… да, на работе… звонила ей, сказала – беременна. Кто, ба? Да не Люба, а та… Люба только целовалась с ним. А он битый час на коленях стоял вчера на лестничной площадке… и цветов столько…*

– *Не плачь, не плачь, дочка, может, оно и к лучшему,* – приговаривала Серафима Степановна, её матушка, гладя Любу по голове.

Люба не простила и отступила. Но и много лет спустя вспоминала о своём упущенном счастье. Будь она опытнее, то посмотрела бы на ситуацию хладнокровнее и не стала бы ломать свою судьбу – он же выбрал её. Но неискушённой, великовозрастной девушке такое испытание оказалось не под силу.

Старшая сестра

Сестра Аля была старшей во всех смыслах: по возрасту – на три года, по жизненному опыту – на два замужества; и когда Люба всё-таки вышла замуж, Аля давно укоренилась в третьем браке. В молодости Люба долгое время жила у сестры в трёхкомнатной квартире, потому что у той родилась дочь, и её нужно было по утрам отводить в детский сад и забирать вечером – график зубного врача это позволял.

– *Надень тапки!* – могла в повелительном тоне проговорить Аля, и Люба, будто не замечая, что давно выросла и ей уже далеко за двадцать, послушно бежала выполнять указание.

До тридцати лет она застряла у Али. Почему? Может быть, ей нравилось оставаться чуть-чуть ребёнком? К тому же Аля умела привязывать к себе людей, если ей так было удобно. В ситуации с Любой получилось так же: младшая сестра проводила время с её маленькой дочкой Полиной, мыла полы в просторной трёшке, лечила зубы всей семье.

Однако ей удавалось сохранять строптивый нрав, который затейливым образом сочетался с доверчивостью по отношению к старшей сестре. От Алины, преуспевающего товароведа в крупном универмаге, она получала дефицитные в советское время импортные вещи – одежду, обувь, косметику, а летом – путёвки в дом отдыха на Волге или Чёрном море.

Тридцатилетний рубеж давался Любе с болью: к тому времени она, потерявшая жениха из столицы, так и не обрела новую опору. Всё оставалось как прежде: она – при сестре, работает в поликлинике зубным врачом, куда её тоже устроила сестра, живёт в её квартире. Конечно, в самой маленькой из трёх имеющихся комнат – без балкона и лоджии, – и иногда ей очень душно вот так сидеть внутри куба с дверью и окном и чувствовать, как первые морщинки прокладывают лёгкие бороздки на лице, а на шее вычерчиваются еле заметные кольца Венеры.

Аля, конечно, могла добыть для сестры комнату в общежитии, но это было неудобно: дочка привыкла к молоденькой тётке и слушалась её больше, чем собственную мать. Старшая сестра до поры закрывала на это глаза и надеялась, что неустроенная Люба потерпит ещё несколько лет, пока Полина не станет подростком. На словах она желала младшей найти своё счастье, мысленно держа в кармане фигу.

Своего тридцатилетия Люба ждала как последней черты, отделявшей её от безысходности: ничего своего и никого рядом не предвиделось – только комплименты от пациентов, конфеты и шутки. Будто фига сестры маячила перед носами её потенциальных ухажёров, парализуя всякое серьёзное намерение или желание.

Юра

По календарю тридцатилетие случилось в мае, в то самое время, когда семья Самойловых решила впервые выехать за границу, в Болгарию (неожиданно выпал шанс, в начале восьмидесятых редкий), – целых две недели на курорте Золотые Пески.

Люба впервые за восемь лет жизни в семье старшей сестры осталась в квартире одна. Она напряжённо ждала, выйдя на балкон, когда отъедет такси, потом считала часы до предполагаемой посадки в самолёт. А вечером гуляла по набережной Волги и прямолинейно и жадно ловила взгляды мужчин. Стараясь не упустить свой женский час, будто секундная стрелка пульсировала у неё в висках, она смотрела на молодых мужчин и с нетерпением ждала от них первого шага.

Его звали Юрой, и он пригласил её в кино. Три вечерние прогулки подряд она присматривалась к Юре. Юра влюблялся, буквально утопал, беря её под руки и невольно прикасаясь к внушительному бюсту. Люба будто заново осмысляла свою женственность и училась манипулировать – у неё была цель простая, понятная.

Очень скоро Юра запросился в гости и был принят – до приезда семейства оставались считаные дни. Конечно, он остался на ночь, а на утро, не скрывая удивления и восхищения от того, что шикарная тридцатилетняя дама оказалась девушкой, предложил познакомить с мамой. Люба вздыхала и отнекивалась: ей больше ничего от Юры не было нужно, несмотря на то что двадцатишестилетний парень – инженер местного авиазавода – был довольно хорошей партией. Она слишком устала от усилий последней недели, ей хотелось покоя и одиночества, чтобы оценить произошедшие перемены.

Первая квартира

Семья Али вернулась в Саратов, и Люба снова оказалась в условно своей маленькой комнате под колпаком сестры, но она стала чувствовать это намного острее. Потребность в своём пространстве превратилась в навязчивую идею – она проявлялась в каждой мелочи. Теперь её раздражало всё: обязанности по ведению общего хозяйства, которое теперь она трактовала как воровство личного времени и даже жизни; раздражала ответственность за племянницу-первоклашку, за проводы Полины шесть дней в неделю в школу, а потом – проверка уроков. А ещё – занятая ванная по утрам, необходимость постоянно следить за внешним видом: из комнаты в нижнем белье, а тем более без него – не выскочишь.

План по освобождению созрел внезапно, когда Люба поймала взгляд Геннадия, мужа Али: разуваясь в коридоре, снимая ботильоны, нагнулась, а он загляделся в вырез кофточки. Вечером она вышла к ужину в футболке (которая ей была мала и обтянула так, что едва не трещала) с овальным декольте. Аля перехватила взгляд мужа и недовольно ухмыльнулась.

– Ты вроде эту футболку с пионерского возраста не надевала.

– А мне до сих пор она идёт!

Через пару недель тактика обтягивающих кофточек дала результат.

Аля по «большому секрету» сообщила сестре, что есть крохотная квартирка гостиничного типа в общежитии для работников торговли, и, если Люба так хочет жить одна, это можно устроить, заплатив кому надо триста советских рублей. Ещё через неделю Люба перевозила вещи в своё гнездо.

В благодарность старшей сестре за помощь, она продолжала забирать Полину из школы и лечить зубы всему семейству.

Георгий Михайлович

После череды разновозрастных поклонников с неопределённым семейным положением, когда уже все родственники причислили нашу Любу к лику старых дев, она встретила Георгия Михайловича – штурмана гражданской авиации. Тогда эта профессия ещё существовала.

Георгий был говорлив, выборочно-дружелюбен, агрессивен к некоторым группам населения – шатающимся без дела подросткам, старушкам на скамейках и Любиной старшей сестре. Невысокого роста, худощавый, слегка сутулый, с поседевшими к сорока пяти годам волосами и крупными чертами лица, он не производил впечатление интеллектуала или интеллигентного человека, но отлично шутил, хорошо зарабатывал и был бесконечно предан нашей Любе.

Они встретились и познакомились прямо у её подъезда. Георгий Михайлович напросился в гости, чтобы починить старый магнитофон, да так и остался. Позвал замуж. Она поначалу смеялась и отшучивалась, потом, уже в браке, Люба отвечала на его пылкость и преданность довольно прохладным, зато постоянным вниманием, выражающемся в регулярной стряпне и всяких мелочах, делающих жизнь старого холостяка уютнее.

Люба привыкала к нему медленно. Образ высокого, статного москвича так и остался в её памяти как эталон мужчины и её несбывшаяся мечта. Но она объясняла свой выбор примерно так: «*Люблю аккуратных мужчин, особенно лётчиков. Помню, пришёл в первый раз такой чистенький… Он всё-таки умный – два высших образования*».

Я тогда училась в старших классах и потому вполне осознанно наблюдала за развитием их отношений, дважды в год приезжая в двоюродной тётке на лечение зубов. Даже мне, подростку, было ясно, что Георгий Михайлович не любим, а Люба всё время за него будто извиняется.

Переезд

В сорок лет она сделала аборт… Потом оправдывала себя по-разному: «*Георгий Михайлович запил тогда… Я болела, меня должны были оперировать, потом всё обошлось… Нет-нет, в мужчине нужно быть уверенной… Все лётчики пьют, я-то знаю*».

А свой пятидесятилетний рубеж Люба пересекла в достатке и покое: она жила с мужем в трёхкомнатной квартире кирпичного дома с видом на Волгу, и одна из комнат всегда была готова к приёму родственников. Аля к тому времени перебралась с третьим мужем в Подмосковье, где выстроила большой дом, вложив в него все средства от проданной квартиры, дачи и накоплений. Дочь Полина жила в доме матери на своей половине вместе с мужем и дочкой.

Большеглазая, русоволосая Полина в молодости была щедрой и частенько делала подарки родственникам, особенно своей родной тёте Любе. Она с детства звала её по имени: Люба, часто заменявшая мать, была всегда рядом. Но с годами душа Полины будто покрылась панцирем, защищающим от элементарной чувствительности. Она становилась всё более равнодушной ко всему, что не касалось её дочери и личных имущественных интересов.

На пороге Любиной пенсии Аля начала зазывать сестру к себе в Подмосковье. На уговоры ушло несколько лет: Георгий Михайлович уезжать из Саратова не хотел, Любу тоже всё устраивало, но прессинг с уговорами и обещаниями лучшей жизни под крылом у старшей сестры постепенно ломал оборону.

«*У вас же нет детей, кто за вами в старости смотреть будет, а у нас – семья, Поля рядом, всегда поможет; по вечерам будем ужинать, песни петь, помнишь, как в нашей деревне? Посмотри, какой я дом для тебя построила!*»

Она присылала ей на телефон фото уютного дома в сто квадратных метров, полностью меблированного и напичканного мелочами, необходимыми для устроенного быта. Домик – рядом с большим Алиным. За одним забором и в кредит. Кредит Алю раздражал.

Люба не догадывалась, что «сосватанное» жильё окажется пряничным домиком, устроенным для двух стареющих недорослей, поверивших Але на слово. На слово во всём: «*Зачем нотариус для сделки? Сестра же!*». Люба, дождавшись пенсии, сдалась на уговоры, продала квартиру и перебралась вместе с мужем в тот дом на общих пятнадцати сотках.

Поначалу на новом месте всё казалось вполне сносным, хотя Георгий Михайлович вскоре заскучал по родным местам и начал копить на маленькую квартирку в Саратове, чтоб туда вернуться. Аля дважды в неделю приглашала сестру с мужем на сытные семейные ужины. Дочка Полины, Соня, когда родители уезжали в бассейн или клуб, засиживалась у Любы в обнимку с большим плюшевым тигром. Пару раз Аля брала Любу на море, как когда-то в молодости.

Она обещала отдать младшей сестре дом в обмен на полученные за квартиру деньги, но, заметив чрезмерную доверчивость Любы, просто прописала сестру и её мужа в своём доме, а домик, обещанный сестре, оставила за собой. Та ничего не поняла, отдавая деньги за квартиру частями, просто доверяла близкому человеку. А быть может, деменция уже начала свою разрушительную работу и маскировалась под доверчивость и излишнюю мягкотелость.

Когда все деньги были переданы, а доверенность на использование денег на счёте младшей сестры сделана, в отношениях начал сквозить холод. Его выпускали медленно, постепенно, но он обволакивал пожилую пару всё больше. Вскоре Люба и Георгий Михайлович почувствовали себя внутри враждебного лагеря: на курорты и на ужины их больше не звали, среди родственников расползались сплетни о сварливости Любы, алкоголизме Георгия Михайловича и неуживчивости обоих.

Бывший штурман уже тысячу раз пожалел, что много лет назад отписал свою долю квартиры жене, потому все решения по имуществу принимала она. Когда Люба поняла, что дом, где они обустроились, вовсе не её, то замкнулась и начала худеть, день ото дня превращаясь

из привлекательной зрелой женщины в старушку. К внешнему угасанию добавилась ещё одна беда – моя двоюродная тётя начала стремительно терять память и походила всё больше на рыбку гуппи: взмахнула хвостиком, повернулась – и через несколько секунд не помнит, что было раньше.

Люба ещё ухаживала за собой, покупала яркие вещи. Когда я бывала у них в гостях, украдкой обходя большой дом тёти Али, она поила меня чаем, оставляла на ночь и любила рассказывать свои сны и истории из прошлого. Один сон мне особенно запомнился. Ей приснилась Аля в длинном красном платье. Стоя на небольшой колеснице и держа поводья в руках, она погоняла тех, кто лихо тащил колесницу. Издали казалось, что это четыре чёрные собаки, но, когда колесница приблизилась, собаки оказались чертями с маленькими чёрными пятачками вместо носов и короткими рожками. Аля хохотала, управляя повозкой, и говорила какую-то тарабарщину. Повозка пронеслась мимо, а Люба проснулась заплаканной.

Георгий Михайлович ушёл

Мне нравились шутки Георгия Михайловича, простые, грубоватые, но меткие. До переезда он уже фантазировал на тему, как будет проводить старость: «*Соберёте вы всех нас, стариков, в один дом престарелых и будете раз в день еду на тележке привозить и нам вываливать*». Мне это казалось забавным и нелепым.

Аля очень хотела, чтобы он ушёл первым и не стал наследником Любы, чтоб не вздумал судиться или как-то досаждать, потому находила причины на него обидеться, упрекнуть неведомо в чём, задеть, прикрикнуть в злобе: «*Чтоб ты сдох!*» Он жаловался мне всякий раз, когда мы виделись. Помню его радость, когда я пришла с электриком починить в доме, где они обосновались, свет и телевизор: «*Племяшка… Племяшка, спасибо!*». В это время он называл семью Али «соседями»: тогда Аля и её семья младшую сестру навещали крайне редко.

Люба таяла, но не так быстро и эстетично, как Снегурочка, – она постепенно превращалась в безумную, бездумную тень и даже не поняла, как Георгий Михайлович умер, упав в коридоре. Просто ходила мимо его охладевшего тела несколько дней, пока трупный запах не проник наружу.

– *Я думала, крыса сдохла,* – сказала на поминках Полина. – *Не заходила к ним несколько дней, а потом запах появился. Мы зашли, а он на полу, и там такое вокруг… Я не буду рассказывать, а то стошнит.*

На похоронах Люба повторяла по многу раз: «*Умер… умер… лежал так тихо – думала, спит…*» А потом заметила меня и улыбнулась: «*Я тебя вспомнила, ты хорошая*».

Её переселили в дом Али и выделили комнатку, а из домика перетащили Любины вещи, присвоив самое ценное, в том числе золотые украшения, и сдали его в аренду. Вскоре младшая сестра стала мешать и здесь. На неё жаловались, охали и ахали, если она проливала что-то или разбивала ненароком, а потом пристроили в дом престарелых – подальше от города.

Я приехала к ней в тот дом – чистый, бедный, грустный. Её вывела ко мне нянечка-азиатка. Мы не виделись с похорон Георгия Михайловича. На меня смотрела пожилая, исхудавшая, безумная и абсолютно беспомощная женщина в одежде с чужого плеча. Её приходилось кормить с рук, и она лепетала беспрерывно: «*Папочка, мамочка*», – будто искала опоры в обрывках воспоминаний. Только на один мой вопрос она ответила внятно:

– *Люба, тебе здесь лучше?*

– *Нет.*

Однажды утром

Однажды в моём утреннем полусоньи Люба ожила в новом качестве: разум к ней полностью вернулся, а физические силы преобразовались в сверхвозможности. Она стала похожа на женщину-терминатора: костюм из лайкры, крепкого пластика и кожи от шеи до кончиков носков, светлые кудри до плеч, выражение лица спокойное и немного отстранённое. Глаза – как у человека, сконцентрированного на одной цели и двигающегося к ней с безусловной решимостью.

Вот она взбирается по внешней стороне Алиного дома без верёвки, как человек-паук, к окну в спальне сестры. Аля одна, спит, похрапывая на широкой кровати, укрывшись одеялом в пёстром шёлковом пододеяльнике. Синтетическая красная пижама под китайский шёлк немного поношена и помята. По рыхлой белой щеке стекает изо рта на подушку тонкая струйка слюны.

Старая ленивая кошка, лежавшая в ногах своей покровительницы и кормилицы, встала на четыре прямые лапы и изогнула серую полосатую спину с темной шерстью по хребту. Но даже кошка не отважилась зашипеть или замяукать – она оскалила пасть и уставилась на обновлённую Любу, когда та легко открыла створку окна и спустилась на подоконник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.